

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Твоя
жена
Пенелопа

Р О М А Н

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *А. Дурасова*
Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Твоя жена Пенелопа : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168466-2

Вот уже около года Нина живет с парнем, который совсем не собирается звать ее замуж. Она его любит, он ее, вроде бы, тоже. Но почему Никита не спешит узаконить их союз? Почему живет с ней так, будто свободен от всех обязательств? Но странно другое — почему Нина все это терпит? Глодает слезы, копит обиды, но... терпит.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2022
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168466-2

— Нинк... А твой жениться на тебе собирается, или как?

Они с матерью вздрогнули, как две испуганные мыши, одинаково повернули головы назад. Отец стоял в кухонном проеме, смотрел злобно поверх очков. Надо же, как незаметно подкрался. Собрал медвежье тулово в тонус и подкрался. Вообще-то на него не похоже, чтоб так, исподтишка... Не отцова манера. Но никуда не денешься — вот он, стоит в дверях, ответа ждет, вынь да подай. Причем ответа немедленного и положительного, иначе... Иначе берегитесь, жена и дочь. Рассержусь, мало не покажется.

— А ты чего встал-то, Володь? — елейно заговорила мама, суетливо отодвигая пустую чайную чашку. — Тебе ж в смену сегодня. Спал бы да спал еще...

— На работе высплусь. Чего ночному сторожу делать-то? Сижу, караулю, сам не знаю кого... Работа пустяшная, зарплата — копейка. Чего об ней толковать?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да, Володь, ну да... И не говори... Чего уж там толковать особо, — тихо вздохнула мама.

Иногда, глядя на родителей, она чувствовала себя героиней старого фильма «Маленькая Вера». Накатывало неуютное ощущение, хоть под столом от него прячься. Папа, кстати, по молодости очень был похож на отца героини из фильма. Но с годами отяжелел, обрюзг, осип и охрип... Не получалось уже нагонять прежнего страха на жену и дочь. Потуги на сердитое подавление были, а страха — нет. Да и она на героиню фильма, если честно, не тянет... Эта маленькая Вера наглая девица была, ей всякое отцовское подавление — тьфу, плюнуть и растереть. Не зря же говорят, что наглость — второе счастье. Не всем дано. У нее, например, не получается. Жить по-своему, худо-бедно, получается, а плюнуть и растереть — нет...

— Так чего, Нинка? Долго твой хлыщ нам нервы трепать будет?

— Он не хлыщ, пап.

— Да? А кто ж он еще? Ишь, хорошо как пристроился на дармовщинку! Жить вместе с девкой, значит, можно, а жениться на ней не обязательно?

— Володь... Ну, Володь... — засуетилась мама, вставая из-за стола и сгребая ребром ладони рассыпанные по клеенке хлебные крошки.

Нина незаметно вздохнула, тоскливо глядя на мамины руки. Сколько раз просила — мам,

Твоя жена Пенелопа

отучись от этой привычки... Не война же, чтобы крошки со стола сметать! Руками! Смотреть не ловко! Сейчас еще и другую ладошку к краю стола приспособит, сметет эти несчастные крошки туда. Потом выбросит в раковину небрежно... Такая вот привычно никчемная манипуляция, с детства знакомая. И мама в этой суетливости и никчемности — тоже... привычная. Если не сказать более обидно.

— Володь... Ну, я ж рассказывала тебе, Володь... Сейчас времена другие пошли, сейчас у них, у молодежи, все по-другому! Мы ж с тобой позднечко Нинку родили, успели отстать от жизни, вот и приходится приспособливаться, что ж делать? Старые мы для нее, и понятия у нас тоже старые...

— Что значит — старые? Если мы старые, то уже и не родители, что ли?

— Да нет, я не про то, Володь... Ну, понимаешь... Это вроде как нормально, что сразу не женятся. Сначала надо пожить вместе, вроде как порепетировать, что ли...

— Вроде как, вроде как! Заладила одно и то же! Вот именно — вроде как! А если б я в свое время так? Хочу — женюсь, хочу — нет? Прости, мол, милка дорогая, это я так, просто репетирую? Да уж, посмотрел бы я тогда, какие ты песни запела!

— Володь, но ведь и впрямь — время другое было...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да при чем тут время! Для мужицкой совести времена всегда должны быть одинаковые! Нравится тебе баба — женись, а потом пользуйся на здоровье! А разонравилась — разводишься, никто в партком не пойдет и за причиндалы держать не будет!

— Пап... Ты вообще-то выбирай выражения... — вяло огрызнулась Нина. Так вяло, что прозвучало скорее жалобой, чем сопротивлением. Да и что было проку в том сопротивлении? Легче головой о каменную стену биться...

— Выражения мои, значит, не нравятся? А то, что тебя очень удобно используют, нравится? — сделал отец особо выпуклый акцент на слове «используют». — А нам с матерью какво, ты подумала? Пришел хлыщ, увел дочь из дому, приспособил к себе бесплатной прачкой, кухаркой да полюбовницей в придачу... Думаешь, нам не обидно?

Она усмехнулась грустно — надо же, какое слово доисторическое выкопал — полюбовница! Тем паче — прачка с кухаркой! Смешно. И впрямь, надо бы как-то всю ситуацию в шутку перевести, иначе совсем выйдет из-под контроля. Ей-то ничего — ушла из дома и забыла, а папа потом похмельем от своего же гневливого выплеска страдать начнет. Такой уж характер... Добрый, но по-хамски взрывной, ужасно несдержанный.

Твоя жена Пенелопа

— М-м-м... Понятно, пап... — произнесла с нарочитой легкой смешливостью, даже с перебором смешливости, стараясь не допустить в голосе ни грамма издевки. Даже хохотнула коротко, совсем уж кося под дурочку. — Значит, ты считаешь, пап, обидно быть бесплатной, да? Может, мне тогда с Никиты вместо штампа в паспорте деньги брать? А что? Это мысль, между прочим. Не хочешь жениться — плати.

— Ты чего городишь-то, Нинка? — немного опешив, сердито пробурчал отец. — Совсем рехнулась, что ли? Да разве я об этом толкую?

— Именно о том, пап! Сам же говоришь о бесплатности! По-твоему выходит, только штамп в паспорте дает мужчине право на бесплатность обихода, так? Без штампа ты кухарка и прачка, а со штампом — фея, одаривающая привилегиями обихода? О, волшебная магия чернильных буковок в красной книжице, — воздела она руки к потолку, — сделай же из меня наконец фею!

— Дура. Вот же дура ты, Нинка. Чего развеселилась-то? Веселишься, умными словами вон, как в театре, чешешь, а у самой глаза грустные!

— Ладно, пап, давай закроем тему. Это моя жизнь, я сама в ней разберусь.

— Ну да, ну да... Больше тебе и ответить нечего. Эх ты, дочь... Растили тебя, лелеяли, дышать боялись... Теперь вот принимаем с матерью

ВЕРА КОЛОЧКОВА

позор на старости лет. Ни свадьбы, чтоб как у людей, ни внуков... Эх, да что там!..

Отец махнул рукой, начал тяжело разворачиваться отекившим гипертоническим туловом. В свете лампы из коридора блеснула седина щетины на небритой дряблой щеке.

— Володь... Да ты чего говоришь-то, какой такой позор-то? — снова быстро и жалобно запричитала мама, ополаскивая под краном чайные чашки и вытягивая голову в сторону кухонного проема. — Позор, главное... Скажешь тоже, не подумав. А Ниночка потом переживать будет! Да говорю ж тебе, они сейчас все так живут! Встретились, полюбили, квартиру сняли и живут! Нет, а чего плохого-то? Да и что делать, если нынче мода такая?

— Да послать бы вас всех с этой модой куда подальше! — обернувшись, пробурчал отец через плечо. — Скоро уж и хоронить по моде начнете... Не в гробу, а в картонных коробках с бантиками! Может, и до кладбища не довезете, коль тоже из моды выйдет. Все у вас легко. Никакого уважения к человеческим правилам.

Ушел. Вскоре из комнаты забормотал телевизор программой «Время» под аккомпанемент сердито-сиплого отцовского дыхания. Подумалось: наверное, отец и на программу «Время» тоже сердится. Даже наверняка — сердится. А хотя, может, и нет. Особенно на фоне последних событий, когда обалдевшие от кризиса оф-

Твоя жена Пенелопа

шорные островитяне покушаются у наших родненьких олигархов часть накоплений оттяпать... Эта весть его, безусловно, должна злорадно обрадовать! Так им, проклятым олигархам, и надо! Сколько веревочке ни виться! Давайте, островитяне, сделайте то, чего мы, бывшие честные труженики, сделать уже не в состоянии!

Ага, вон даже звук у телевизора прибавил... Пошло дело. Бойтесь, олигархи, гнева-злорадства бывшего слесаря-инструментальщика со второго турбомоторного, комсомольца и коммуниста в третьем поколении таких же слесарей-инструментальщиков, комсомольцев и коммунистов! Ужо вам!

— Ты не обижайся на отца-то, Нин... — тихо, будто извиняясь, проговорила мама, бочком присаживаясь за стол.

— А я и не обижаюсь.

— Да как же, не обижаешься! Думаешь, по лицу не видно? Сидишь, будто насмехаешься... А зря насмехаешься-то, дочка. Он же по-своему все переживает, знаешь ведь, какой он у нас боец негибачый.

Она хотела было возразить — достали, мол, с этой негибачемостью, — но промолчала. Мельком глянула на часы — ого, девять! Никита наверняка дома, а у нее ужина нет. И рубашки в ванной в тазу замочены... И вдруг хмыкнула про себя, вспомнив отцовское презрительное — эх ты, прачка-кухарка... Да, выходит, так оно и есть.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Прачка и кухарка. И все это, можно сказать, на добровольно общественных началах. И «полюбовница» тоже. Правда, смешно. И грустно...

— Я пойду, мам. Спасибо за чай.

— Да погоди, чего сразу пойду-то? И часа в родном доме не пробыла... Все-таки обиделась на отца, да?

— Ничего я не обиделась! Мне и в самом деле пора.

— Ну, Нин... Посиди еще немного, чего ты, как неродная... Вот дожили до жизни — дочку раз в неделю на полчаса отпускают... А сам-то твой, этот... Никита твой... Что, не может вместе с тобой в гости зайти? Посидели бы, я бы пирог с палтусом завернула. И отец бы уважение почувствовал, меньше бы психовал. Брезгует нами, да? Не ровня мы ему?

— Нет, мам, ну что ты... Не в этом дело.

Сказала — и опустила глаза, испугавшись. Потому как резануло внутри — в этом, в этом! Именно в этом дело, ты в точку попала, мам! Потому и повторила испуганно:

— Нет, не в этом дело. Просто у него сейчас катастрофически времени не хватает.

— А чем он таким шибко занят? Вроде не работает нигде.

— Он учится, мам, в серьезном институте. Даже не в институте, а в академии.

— Да? И на кого ж он учится, больно интересно знать?

Твоя жена Пенелопа

— Ну... Как бы тебе объяснить... Там к государственной службе чиновников готовят. Нет, правда, у них там все очень серьезно, мам. И строго. Лекции с утра и до вечера, потом курсовые всякие, а в следующем году защита диплома...

— Ну ладно, коли так. А может, и хорошо, что он к нам не приходит. Не дай бог, отец брякнет при нем чего некультурное! Да и я со своими пирогами... Что он, пирогов с палтусом не едал? Мы ж люди простые, Ниночка, куда нам со свиным рылом в калашный ряд... Случится у тебя с этим Никитой счастье — и мы с отцом счастливы будем! И в сторонке постоим, если что!

— Да уж... Папа, кажется, постоит в сторонке... Думаешь, легко мне каждый раз на оскорбления нарываться?

— А ты за оскорбление-то его слова не принимай, Ниночка! Он же человек такой, работяга, не умеет он, чтобы со всякими там подходцами... Как говорится, что на уме, то и на языке!

— М-м-м... Хочешь сказать, простота хуже воровства?

— Ой, да как тебе не стыдно так об отце-то! Язык прикуси, бессовестная!

— А ему не стыдно меня каждый раз оскорблять?

— Так он же любя, Нин... Он тебя очень любит, оттого и переживает сильно! Обидно ему за тебя, понимаешь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, мам... Я понимаю. Конечно же. Но это всего лишь его личное восприятие действительности, я тут при чем? У меня к моей жизни претензий нет. Меня все на сегодняшний день устраивает. Абсолютно все.

— Ой ли?

Как плетью стегнуло это мамино «ой ли» — обидное, хлесткое. И хитрованский взгляд полоснул по лицу, и губы мама сжала специфически — скобкой догадливого сомнения. Да, очень выразительно получилось. Выпукло. Вот, мол, смотри на меня, дочка, видишь, какая я сильно задумчивая и сомневающаяся в твоих словах! Давай, подпрыгивай на стуле, доказывай мне обратное! Видишь, я жду...

А не дождешься. Не буду я тебе ничего доказывать. Потому что не должна ничего доказывать. Ни-че-го. Никому. Потому что и сама в себе еще толком не разобралась. И в своих отношениях с Никитой тоже. И вообще — хватит из меня веревки вить... Что свили, то свили, спасибо и на этом. Все детство старательно внушали — должна, должна! Что придумают вдвоем с отцом, то и должна! Хватит...

— Ну, все, хватит, мам... Пошла я.

Нина решительно уперлась кулаками в столешницу, приподнялась на стуле, но мать вдруг опустила на плечо ладонь и будто пригвоздила обратно. И произнесла решительно:

— Глянь-ка мне в глаза, Нинка...

Твоя жена Пенелопа

— Ну что, мам, что?

— Давай перед матерью как на духу... Сама-то хоть понимаешь, как свои годы дальше жить? Я вот за тебя перед отцом заступаюсь, а сама все думаю, думаю... А ну, коль он и впрямь не женится?

— Да что вы заладили — женится, не женится! Ладно, отец, а ты-то, мам? Чего вы лезете в мою жизнь?

— А куда нам еще лезть-то, дочка? В чужую, что ли? Мы ж твои родители... Слушай, а может, тебе поговорить с Никитой? Так, мол, и так, замуж хочу... Или это... Как бы забеременеть невзначай? А что? Давай, я тебя научу по-женски, подскажу...

Все, подумала Нина, терпение, кажется, лопнуло. В голове забухало, зазвенело негодованием. Пришла, называется, родителей навестить! Получила массу положительных эмоций! Уже и в постель норовят залезть! Надо же — научу-подскажу, как забеременеть! Чудеса пролетарской камасутры поведать собралась! Как же противна эта бесцеремонность! Да, любят они, да, беспокоятся по-своему, но все равно — противно!

— Послушай, мама... Если ты еще раз... — Она закрыла глаза и сглотнула ком в горле. Сдерживая раздражение, произнесла спокойно, но с жесткой нотой в голосе:

— Если ты еще раз затронешь эту тему, я вообще больше к вам не приду! Никогда! Слы-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шишь? Дорогу к вам забуду! И отцу можешь так и передать! Если он еще раз...

— Что ты, Ниночка, что ты! Бог с тобой, доча, что ты говоришь? Да что я такого сказала-то, господи?!

Мать тихо всхлипнула, зажав рот ладонью, глянула на нее сквозь набухающую слезную плену. Моргнула, и слезы тут же брызнули из глаз. Сразу весь гнев Нины ушел в стыд.

— Мам, мам... Ну ладно, все, ну не надо... Не плачь, я ж не хотела... — залепетала она виновато, оглаживая мать по бугристо-целлюлитному предплечью. — Ну извини, мам...

— Да как у тебя язык-то повернулся, Ниночка... Да как же я отцу могла бы такое сказать? Что ж ты, дочка... Да его бы сразу кондратий хватил... Он же так тебя любит! Что у нас с отцом еще есть-то?

— Мам, да я все понимаю! Но и ты меня тоже пойми! Нельзя же так, мам...

— Ну да, ну да... А как можно-то, доча? Ты ведь у нас одна, как свет в окошке... Позднее дитя, божий подарочек... Мы ведь уж и не надеялись, я помню! Когда принесли тебя из роддома, отец с рук не спускал, дышать боялся... Он уж, почитай, в возрасте мужик-то был, почти под пятьдесят...

Мама слезно вздохнула, отерла дрожащими ладонями полные щеки, снова заговорила торопливо:

Твоя жена Пенелопа

— Знаешь, как нам тогда трудно было? Ой-ой, если вспомнить... Это ж девяностый год был, вокруг черт-те что творилось! Прилавки в магазинах пустые, зарплату не дают, хоть головой об стенку бейся! А мне есть что-то надо, иначе молоко пропадет... Тоже ведь не молоденькой тебя родила, сорокалетней бабой! Отец, помню, то рычал от безнадеги, то плакал. С кулаками на директора завода, помню, накинулся, когда тот обещал зарплату выдать, но слова не сдержал! Да что — директор!.. Его потом и самого — под зад коленом... Так и жили — кое-как перебивались. А дальше еще круче пошло. Помню, тебе лет пять было, когда завод олигархи-бандиты отбирали... Этот был, как его... Рейдерский захват. А папа, представляешь, под пули полез... Думал, родное предприятие защищает. Пролетарий, мать твою... Обо мне не подумал, как я одна тебя поднимать стану...

— Да? Ты мне об этом никогда не рассказывала, мам...

— Да зачем тебе знать-то? Это уж наши дела. Задело его тогда бандитской пулей-то, в больницу свезли. А он оттуда сбежал. Пришел ночью домой — герой раненый... Долго около твоей кровати стоял, все пришептывал — прости, мол, доча, не знаю, как тебе счастливое детство обеспечить... Не будет у тебя детства-то... Сломался он тогда, Нинок, как есть сломался. Всю жизнь на заводе в честных передовиках прохо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дил, и партии честно служил, и верил... Понимаешь, верил! Таких-то честных тружеников, как твой отец, и тогда было — раз-два и обчелся... С тех пор, считай, никак успокоиться не может. Не смог в новую жизнь встроиться, все прежними правилами живет... Все у него только черное да белое, других цветов не признает. Оттого и злится, если вдруг что не по правилам да не по чести... Оттого и состарился раньше времени. А сейчас ему тем более не перестроиться — семьдесят второй годок пошел, под самую дыхалку подперло. Ты уж не сердись на него, Ниночка. Какой есть, что же делать.

— Да я не сержусь, мам! Просто... Он же должен понять... У меня своя жизнь...

— Своя-то своя, кто ж спорит. Но и родителей с руки, как варежку, не стряхнешь! Родителям тоже радости дать надо. Отец вон внуков страсть как хочет... И нам надо чем-то жить, Нин! Думаешь, велика отцу радость в сторожах ночных сидеть? А так бы дома сидел, внуками занимался. Все бы заделье! Плохо в старости без заделья-то, Нин. Тоска, смысла нет. Ой, тоска! — Укор в голосе матери усиливался, захватывал собой маленькое пространство кухни. В тоне появились жесткие обвинительные нотки: — Как ни крути, а отец-то прав, Нин! Растили тебя, растили, всю душу вкладывали! И к морю на последние деньги отправляли, и наряды покупали, во всем себе отказывали! И образование опять же... Не инсти-

Твоя жена Пенелопа

тут, конечно, но техникум — тоже хорошо... Мы ведь почему тебя на техникум-то настропалили? Думали, вдруг не успеем в институтах выучить, пометим раньше времени. А еще думали, красавица ты у нас, в институте сразу замуж выскочишь, опять же закончить не успеешь. А в техникуме после десятилетки — всего два с половиной года... Кто ж знал-то, что ты вообще замуж не заторопишься? А мы с отцом такие надежды возлагали. Вот тебе и надежды — все прахом пошли. Ни у тебя семьи, ни у нас внуков. Бабья молодость-то быстро проходит, Нин, не успеешь и оглянуться! От двадцати до тридцати — и ветер в ушах просвистеть не успеет. И все, и ушло золотое бабье времечко, назад не воротить. А ты говоришь...

Мама вздохнула, осела на стуле квашней, провела ладонью по столешнице. Бедная, бедная мама... Как на нее обижаться-то? Ведь это предъявление векселей — вовсе не злое... От простоты мыслей идет, от безысходности. Подумалось вдруг — и впрямь дети должны отвечать за возрастную родительскую неприкаянность... То есть хочешь не хочешь, а «задельем» в старости обеспечить. Неужели у всех так?

Хотя у Никиты, например, такой проблемы с родителями точно нет. Объявил матери с отцом, что уходит в самостоятельное плавание, они только улыбнулись иронически. Но, может, за этой иронией тоже скрывалось это преслову-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тое «заделье»? Квартиру-то съемную они сыну оплачивают. Откуда у студента деньги...

Да, наверное, и впрямь страшно им жить без «заделья». Не зря мать при своей гипертонии уборщицей в школу устроилась, говорит, деньги не лишние... Да какие там деньги, господи? Копейки... Просто без «заделья» боится остаться. Хм... Грустное какое слово. Не дело, а именно заделье. Себя занять, обмануть то есть. Хотя, опять же, к примеру, Никитина мама, Лариса Борисовна, вообще не работает, дома сидит. Но у нее как-то по-другому все происходит. Без мук. Такое впечатление, что она всегда чем-то важным занята. Кофе пьет — занята, книгу читает — занята, даже когда просто в окно смотрит, кажется, что важным делом занята. Причем таким важным, что чувствуешь себя рядом с ней абсолютной бездельницей...

Наверное, тут в чем-то другом собака зарыта. В социальном статусе, наверное. В присутствии интеллекта. Каждому свое... Значит, Никите нет необходимости обслуживать родительскую неприкаянность в старости, а ей от этого никуда не уйти. Мама-то права — не стряхнешь с руки, как варезку...

— Ладно, я поговорю с Никитой, мам... — выдохнула Нина грустно. — Обещаю...

— Конечно... Конечно, поговори, Ниночка! — тут же оживилась мать, придвинувшись к ней рыхлой грудью. — Не стесняйся, поговори! Ны-